

15 ФЕВ 1980

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

г. МОСКВА

ПЕЧАТАЕТСЯ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

ПРАЗДНЕСТВО И МУКА

(ИЗ КНИГИ О МИХАИЛЕ ЛУКОНИНЕ)

По глубинным принципам Лавров был, конечно, далек от Луконина. Поэт нежный, тонкий и созерцательный, он словно быстрыми пальцами пианиста пробежал по дольникам Сельвинского, извлекая из них гимны природе и всему живому; его образные картины, похожие на гербарии, — светлый парафраз из раннего, «темного» Заболоцкого — были в сущности очень красивы и очень печальны. А главное, они всем строем были обращены в поэзию 20-х годов. Луконин ждал сороковых. Да, Лавров попал в ритм, которому суждено было вот-вот наполниться кровью. Но не в его стихах.

Это, наверное, и подкосило Лаврова как поэта. С горечью я думаю о том, как фатально не везло этому одаренному, самобытному, тихому человеку, ближайшему предшественнику Луконина в русском стихе: после яркого дебюта в начале 30-х годов он лет десять не печатался; наконец его новый сборник приняли в издательство «Советский писатель» — деловое обсуждение должно было состояться 25 июня 1941 года... Прости, читатель, что я отвлекаюсь от темы, — давай хоть здесь помянем Лаврова и воздадим ему должное: он ведь так и не поднялся. Выкашляв остатки легких, безвестно умер в Москве в 1943 году. Никто не заметил этой тихой смерти в разгар войны. И четверть века спустя книжка стихов Лаврова (она вышла в 1966 году) не смогла вернуть его в круг живого внимания критиков и читателей. Он по сей день забыт. Это несправедливо. Но это, увы, понятно. Причина поэтической смерти Лаврова определяется жестко и однозначно: не почувствовал войны. Нет, он написал о войне, но как? «Надевай-ка лыжи — да по снежной дали, пусть их бег пролижет след яснее стали... Ветер мчится колкий, мчится ветер юркий, и под снегом елки будто бы иголки...». То ли рождественская «Елочка», то ли песенка конькобежцев... А ведь это о войне, о финской кампании: «Помнишь, как, накинув плащ поверх шинели, ты на белофиннов шел через метели?..»

Дыхание стиха у Лаврова осталось само по себе, дыхание войны — само по себе. Соединил это — Луконин. На десятилетия. Безошибочно.

Летом 1939 года Луконин съездил в Сталинград и к началу занятий привез в Литинститут Николая Отраду. А уже в декабре они вместе бежали в военкомат: боялись, что с белофиннами управятся без них...

Война оказалась непозитичной. До вихревых атак дело не успевало дойти: попавшие в лыжный батальон студенты замерзали, выбивались из сил во время длинных переходов. Они прибыли на фронт в дорогих мудреных спецкостюмах, но быстро сменили их на простецкие ватники. Война встала не победными бросками и не оперативными стрелами, она обернулась изматывающей работой, неведомым бытом передовой, прежде пугающей, — о ней уже невозможно было рассказать светлыми романтическими словами. И синеглазый романтик Сергей Наровчатов, валяясь в госпитале, с тоской и болью глядя на свои синие, гангренозные, обмороженные ноги, шептал другие слова:

И о нас начинались сказанья и были,
Хоть висела в землянках смердящая вонь,
Пока с санитарями песни мы выли
И водкой глушили антонов огонь...

Но убивала и пулями та первая война. Погиб Николай Отрада. Меня поразило: потомок воронежских крестьян, какие-нибудь полгода назад впервые привезенный Лукониным в столицу из Сталинграда, он кричал, идя на финских снайперов: «Москвичи не сдаются!».

Двадцать миллионов смертей вставало из-за горизонта. Эти были самые первые.

В Москву Луконин ехал без Отрады. Побратимы, они успели перед боем поменяться медальонами. Это значит, что там, в Сталинграде, сначала должна была мысленно схоронить сына бездвижная, разбитая ревматизмом мать Луконина, а потом, по «выяснению ошибки», это предстояло матери Николая Отрады. И предстояло девушке. Девушке Поле.

Так в марте 1940 года возвращался в теплушке с севера победитель финской войны. Стихи об этой войне и стали той точкой, с которой начался поэт Луконин.

Коле Отраде.
Я жалею девушку Полю.
Жалею.
За любовь осторожную:
«Чтоб не в плену б».
За:
«Мы мало знакомы»,
«не знаю»,
«не смею»...
За ладонь, отделившую губы от губ...

Вот она, луконинская интонация, состоявшаяся, осуществленная. То, что впоследствии критики и поэты назовут: хрипловатый говор, развалистая походка, езда со спущенными удилами. Луконинский вариант «прозаичности». Такой музыкальный рисунок возникал, мы видели, и у других поэтов. Но интонация стиха — не только музыкальный рисунок, но и психологическое, жизненное его обоснование. Интонация и ритм неотделимы от склада речи. От того, как, перелинаясь, трудно идут здесь слова. От: «за»; «Мы мало знакомы»... На эту фонетическую «гlossу» надо было решиться. Надо было, чтобы и переживание шло вот так: скачками.

Вам казался он:
летом —
слишком двадцатилетним,
осенью — рыжим, как листва на опушке,
зимою
ходит слишком в летнем,
а весною — были веснушки.

Вот это-то и угадывалось всегда в голосе молодого Луконина: то зимнее лето, то синяя синь — масляное масло... Времена сбиты, слова толкаются, впечатления не вытекают одно из другого, а перемежаются, почти сбиваясь, — реальность не укладывается в логику чувств и действий, она эту логику превышает, сталкивается с линией.

А когда поднял автомат, —
вы слышите?
Когда он вышел,
дерзкий,
такой, как в школе,
вы на фронт
прислали ему платок вышитый,
вышив:
«Моему Коле!».

В этой точке стиха — резкий поворот эмоционального движения, который требует от читателя совершенно неожиданного усилия: инерция, заложенная первыми строками, сбита встречным импульсом; ваше читательское чувство оказывается в раздвоении, которое можно грубо передать так: как это одновременно «не любить» и «любить»? Мотив «подруги воина» — один из распространеннейших в предвоенной лирике — знает два логичных разрешения: либо — гимн верности, либо — презрение к неверности. Либо — «Катюша» Исаковского, либо — в скором будущем — симоновское «Открытое письмо женщине из Вычуга». Или — или: война не потерпит ни сомнений, ни полурешений. Но в самый первый момент, в момент своеобразной «невесомости», когда существо человеческое еще не привыкло к новой железной логике и еще не вполне оторшилось от старой, предвоенной, легкой «ясности» чувств, возникает это колебание весов...

(Начало см. в №№ 31—33, 35—37).